

ТУРИЗМ

Италия от старта и до финиша

маршрут

Сегодня из Брешиа стартует самое знаменитое в мире ралли классических автомобилей Mille Miglia, или «Тысяча миль». С 1927 по 1957 год ралли по маршруту Брешиа—Рим—Брешиа было спортивным соревнованием, где устанавливались мировые рекорды скорости. С 1988 года возрожденное, ставшее винтажным ралли Mille Miglia называют «самой красивой гонкой в мире». Через два дня ралли будет в Риме, и все желающие могут присоединиться к нему в качестве зрителей. О маршруте «Тысячи миль» рассказывает участник Mille Miglia-2005 **Екатерина Истомина**.

Брешиа

Центральная площадь Брешиа представляет собой сыгранный архитектурный микс, характерный для многих городов северной Италии: немного архитектуры Ренессанса и рядом немного архитектуры эпохи Муссолини. Оба стиля выглядят одинаково — в том смысле что «по-древнему». Я стою на центральной площади: справа — Ренессанс, слева — «Бенито Муссолини». Гонимые ботинки, приобретенные накануне в музее Mille Miglia, переделанном из старого женского монастыря святой Еуфемии, жмут мне ноги. Солнце обжигает голову. Демонстрация антиглобалистов противостоит демонстрации машин-участниц — все мы перед стартом обязаны пройти техническую регистрацию и получить пропуск. Старик с плакатом «Ты подохни на своей гонке!». Учителяница, такая красавица, ей бы в кино сниматься, кричит: «Дайте нам денег на образование!» Демонстранты блокируют колонну машин-участниц (всего нас 375 экипажей): «Вон, буржуазия! Вон... Милле Милья!» Мне чуть не дает по голове пламенной авоськой протестующий студент. Но вот пробил час на старой башне. Демонстранты демонстративно покидают площадь, рассеиваясь по пиццериям. С обеда никто не вернулся.

Я толкаю перед судьями вручную Mercedes-Benz SL 1967 года, известный также под прозвищем Papada. Это кабриолет бежевого цвета с редкой по тем временам автоматической трансмиссией. После демонстрации машины я получаю пропуск — талон на отель и на питание. Крючконосый и худосочный Крис Бэнгл, великий дизайнер, святой и демон, гений, переделавший весь лик автомобилей BMW до неузнаваемости, говорит: «Что за черт! Я уже устал. Я ешь хочу. Ну а что там, в Москве, все движуха?» «Кто вас научил этому слову — «движуха»? — спрашиваю я. «Сын мой, он в восторге от Москвы!» — трет свои золотые очки мистер Бэнгл.

Старт вечером в Виа-Венеция. Рев толпы, рев автомобилей, газующих все больше без толку, но ради очтанного куража, весь город Брешиа в дыму, мужчины затыкают нос разноцветными галстуками, чтобы не нюхать гарь, а женщины — большими мужскими носовыми платками. В ночи громающая и гудящая во все тяжкие своих древних клаконов автомобильная колонна покидает этот поверженный город. Наш путь на сегодня это 220 километров — сначала мы едем до Вероны, затем до Феррары, где усталых путников ждет благословенный сон.

Верона

«Тысяча миль» — это один большой футбольный матч, в котором Италия играет против Италии. На дорогах во время гонки стоит вся страна. Здесь все, от мала до велика. Много энергичных крикливых бабусь — они несут подарки, корзинки с клубничкой, букеты красных маков, бутылки вина. Их внуки — с тематическими флагами — приветствуют только итальянского автопроизводителя — флаги «Феррари», «Альфа Ромео», «Мазерати». Попробуйте выйти на обочину с флагом «Мерседеса» — «Слышь, за-

режу, да!». Но радости, конечно, больше, чем агрессии, пусть и комедийной. Бабушки радостно выскакивают на дорогу, внуки радостно кидаются под колеса. Только успевай их, радостных, объезжать. Женщины демонстрируют декольте — да, не перевелись еще на знойной итальянской земле красавицы. Юноши также красивы, особенно из колонны сопровождающих. Какие сапоги! Какие бипсцы!

Центральная площадь Вероны забита до отказа людьми и щедро освещена прожекторами. Как будто здесь ждут приезда новоизбранного папы римского (на тот момент только что заступил на святую вахту папа Бенедикт XVI) или певицы Мадонны. Мы делаем крутой вираж по площади, выложенной крупной блестящей брусчаткой. Мне на голову падает букет поникших маков, а на белую майку летит размякшая клубника. Я торможу у железного забора, разделяющего площадь и толпу зевак. Выкидываю к черту из салона всю клубнику. Мистер Бэнгл гормозжит рядом: «Ромео и Джульетту знаешь, тут дело было?» Я что-то вяло цитирую по памяти. «Далеко ли тот балкон?» — кричит сквозь толпу Бэнгл. Увы, наш путь не лежит через «тот» балкон.

Феррара

Крайне недооцененный в русских туристических справочниках город. Столица могущественного герцогства Феррарского. Какие площади, какие виды! Какая мощь, державность, какой католицизм! Феррарские правители некогда сражались с папским Римом, с Флоренцией, Миланом, Венецией. Причем билась на равных, диктовали условия. И все архитектурные атрибуты той власти Феррары остались.

Впрочем, ночевка — на жуков промышленной окраине города. Хозяин отеля от эмоций чуть не падает в обморок: «Это вы с ралли? С ралли! Да закуривайте, курите, бог с ним, с законом! Я сейчас, я мигом за бутылочкой, да, город наш небольшой, но великий, мы же знаем гонку...» Это стало ясно после второй бутылки мерло. Изырдно подпив, в темной феррарской ночи, небо которой играло звездами, хозяин потребовал показать ему антикварную машину.

Сан-Марино

Очень странное место: карливое государство, присохшее, словно глупая упрямая ракушка, к старой усталой скале по имени Титано. Сан-Марино — Мекка велосипеди-

Сиена в ожидании Mille Miglia. ФОТО FOTOBANK.COM/REX FEATURES

Крис Бэнгл, голодный, но довольный

стов. Здесь проходят чемпионаты мира по велогонкам и этапы Giro di Italia. Здесь с утра и до вечера крутят педали велопрофессионалы и велолюбители. Их в Сан-Марино словно мух в солнечный день на куске медового пирога. Тучами, кошмарными стадами ползут, вереща и треща колесами, вверх; это, поверьте, очень трудно — вьехать вверх, на самый пик Республики Сан-Марино. А наша цель — именно этот республиканский пик, через который нужно перевалиться, чтобы спуститься с обратной стороны карликового государства на необходимую нам трассу. Лучшая точка обзора окрестностей — у пиццерии San Magino, чей хозяин обладает огромной коллекцией раритетных фотографий с ралли. За столько лет он немало их, конечно, нащелкал немецким фотоаппаратом «Лейка 2». Сам он говорит, что когда создавался музей Mille Miglia, организаторы экспозиции хотели купить его фотостанцию. Но он гневно отверг их непростой предложение. «Я лучше продам свою лучшую печку для пиццы!» — заявил хозяин пиццерии. Вот какие люди живут в Республике Сан-Марино, основанной в 301 году каменотесом по имени Марино, скрывшимся на скале от преследований императора Диоклетиана. История умалчивает о том, чем же каменотес сумел насолить правителю.

Рим Вечный город тогда, в мае 2005 года, был полон самой светлой памяти о недавно умершем па-

пе Иоанне Павле II. Римляне честно скорбят. В этом городе-суматохе, самым сумасшедшем из древних мегаполисов, раздраемном ревом Ducatti и Vespa и воплями обворованных туристов (мотоциклетные воры в Риме работают, по данным полиции, не хуже, чем в Неаполе или Палермо), чувствовалось горе. Витрины киосков были заставлены пахнущими типографской краской биографиями покойного, еще висели его портреты на фонарных столбах. Еще заливали в римских кабаках свое национальное горе местной траппой польские туристы, горлая хором «Святой — немедленно!». Мы были вполне готовы присоединиться к всеобщей скорби, если бы не одно происшествие. Как известно, Рим — город очень большой. И если в маленьких городках, которые мы проезжали до столицы, на пути следования ралли были развешены специальные таблички — белая стрела на красном фоне с указанием направления, то в Риме на указующих перстах либо просто экономят, либо к моменту приезда колонны горюжане уже успели разобрать их по домам на сувениры. Поэтому при въезде в город участники ралли оказались в крайне сложной ситуации. На огромном городе спустилась темнота, куда ехать — непонятно, и указателей никаких, и никаких встречающих. Прямо ночью в драгоценной

Брешиа, «медосмотр» на площади. ФОТО AFP

Покоренные Рим и Ватикан — Mille Miglia в Вечном городе. ФОТО AFP

Урбино

Родина Рафаэля. Зная это, хочется плакать, преклонить голову, целовать эту землю. По этим кривым улочкам бегал он, несмышляныш, маленький мальчик Рафаэль с кудрявой головой, он играл со сверстниками на этой самой странной формы площади, под этими каменными стенами старой крепости. Шустрые ренессансные мальши не знали тогда, с кем они играют в футбол. Да и он сам, Рафаэль Санти, тогда еще ничего не знал.

На центральной площади под стенами старой крепости развернуты пышные белые шатры: на «Тысяче миль» объявлен обед. Нам накидывали в пластиковые миски спагетти с соусом в сливочном соусе. К трапезе примазываются зеваки — они просят автограф и разрешения сфотографироваться рядом с какой-нибудь старой машиной.

Урбино — город с рекордно узкими средневековыми улицами. Здесь совершенно не понятно, как ходить, что уж говорить о том, чтобы проехать здесь на машине. Даже самым ловким здесь приходится виртуозно «рулить», чтобы не ударить кузов о стены палатцо Дукале, построенного правителем Федерико II Монтефельтро.

Рим

Вечный город тогда, в мае 2005 года, был полон самой светлой памяти о недавно умершем па-

пе Иоанне Павле II. Римляне честно скорбят. В этом городе-суматохе, самым сумасшедшем из древних мегаполисов, раздраемном ревом Ducatti и Vespa и воплями обворованных туристов (мотоциклетные воры в Риме работают, по данным полиции, не хуже, чем в Неаполе или Палермо), чувствовалось горе. Витрины киосков были заставлены пахнущими типографской краской биографиями покойного, еще висели его портреты на фонарных столбах. Еще заливали в римских кабаках свое национальное горе местной траппой польские туристы, горлая хором «Святой — немедленно!». Мы были вполне готовы присоединиться к всеобщей скорби, если бы не одно происшествие. Как известно, Рим — город очень большой. И если в маленьких городках, которые мы проезжали до столицы, на пути следования ралли были развешены специальные таблички — белая стрела на красном фоне с указанием направления, то в Риме на указующих перстах либо просто экономят, либо к моменту приезда колонны горюжане уже успели разобрать их по домам на сувениры. Поэтому при въезде в город участники ралли оказались в крайне сложной ситуации. На огромном городе спустилась темнота, куда ехать — непонятно, и указателей никаких, и никаких встречающих. Прямо ночью в драгоценной

машине в чистом поле. Хотя, конечно, чистого поля в окрестностях Рима не найти: местные жители не отказывают себе в попойках. На выручку пришел полицейский, мотоциклетный карбинер, патрулировавший римскую «МКАД». Деловито осмотрев ступившуюся колонну, он заревел: «Что, потерялись?! Я выведу вас, все за мной!» Все, конечно, за ним поспекали, как поляки за Суслиным. Он, важный и на мотоцикле, рассекает пешеходов и автомобилистов. Мы двигаемся за прожектором полчаса — к колонне пристраиваются и другие игроки, ранее потерявшиеся автомобилисты с ралли. А знает ли наш герой дорогу? На одном из перекрестков выясняется, что наш Вергилий вовсе не знаком с маршрутом. Он не имеет ни малейшего понятия о том, где находится наш отель, он устроил нам «обзорную по городу». Дупа схватили участники ралли. Они вытряхнули его из мотоцикла и прижали к каменной коринфскому ордеру колонне, мирно дремавшей здесь со времен императора Константина. Парень выронил свой полосатый жилет из мускулистой волосатой итальянской руки. Он ужасно кричал, получая равномерно под дых от разъяренных британских джентльменов.

Сиена

Центральная площадь прекрасной, как утренняя Аврора, Сиены сделана в виде глубокой воронки, в которой в дождь собираются комариные лужи. По краям песчаной воронки, над которой высятся красная каменная пика палатцо Паблико, построенного в 1310 году, стоят люди. Они так стоят с самого рассвета — и вот, ура, автомобильные «динозавры» наконец взрывают взмокший от ожидания песок.

Миле Миглиа в Сиене. Часы на палатцо Паблико бьют. Флаги развеваются. Клаконы вопиют. Амфитеатр ликует. Мы тормозим у одной из забегаловок, окружающих площадь-воронку. Выбегает официант. Желтые ботинки. Зеленые носки. Си-

ние брюки. Розовый пуловер. В руке пол-литра тосканского кьянти, во второй — флаг с эмблемой «Альфа Ромео» (красный крест на белом фоне и зеленый, закрученный спиралью, как русский самогонный аппарат, дракон семейства Висконти, пожирающий сарацина). И надо пить с «разноцветным» парнем. Привыкайте, вы на земле Тосканы — здесь все утро пьют немного тосканского, чтобы весь день шел как по маслу.

За углом от площади — уголок культуры. Книжный магазин с вывеской «Фелтринелли». Это чадо легендарного Джанкарло Фелтринелли, «красного барона», основателя «Красных бригад» и человека, который первым опубликовал «Доктора Живаго». В магазине «Фелтринелли» мы покупаем справочник по винам и псевдовинтажную карту Тосканы.

Флоренция

Все люди делятся на две группы. Одни любят «Битлз», вторые — «Роллинг Стоунз», одни любят Толстого, вторые — Достоевского, одни любят Флоренцию, вторые — Сиену. Остальные любят Пелевина, Киев и выходные в Питере.

Мы же любим Сиену и не любим Флоренцию. Хотя бы потому мы ее не любим, что она есть существо заносчивое, наглое, коварное, себе на уме, любящая гостиничная дыра здесь стоит диких денег, дорожки сумки Gucci, которые Гуччо Гуччи стал шить в этих местах в 1925 году. Вокруг Дуомо Брунеллески — кордебалет из балканских оборванцев, настоящая «Опера нищих», официанты дерзят, на вокзале Санта Мария ди Новелла безбожно воруют, а в привокзальном буфете недоливают капучино. Золотые побрякушки с Понте-Веккио ломаются через час после покупки, белье Fratelli, на котором спят геронны «Секса в большом городе», расходуется по швам, бифштекс не прожаривают, в Уффици — очередь. Patrizia Pere не дает приличных скидок даже в сезон, в бутике Officine Panerai толпы народа, ровно как в соседней табачной лавке. Стоп. Мы не любим Флоренцию — потому что из нее прогнали Данте. Больше сказать об этом городе решительно нечего. Медици, те еще сталинисты, конечно, с адом перебарщивали. А так — хороший город. Но пробки погубят его.

Кремона
Вы все были в Кремоне — со времен первого показа по советскому ЦТ фильма «Визит к Минотавру» по роману братьев Вайнеров с Сергеем Шакуровым в роли следователя Московской городской прокуратуры. Первая сюжетная линия — убийство советского скрипача и похищение музейного уровня скрипки. Дело происходит в брежневской Москве. Вторая сюжетная линия картины — это постренессанская Кремона, город, где Аматти, Гварнери и Страдивари делали свои музыкальные инструменты. Снимали картину, конечно, в какой-нибудь Риге, но это обстоятельство не разрушило «топоса Кремоны» в сознании советских зрителей. Кремона — место западное, страшное, там бродят тени даже днем, там упыри от инквизиции не дремлют, а отбирают у людей их скрипки, и только следователь С. Шакурова может как-то, через годы, через расстояния, воздействовать на всю эту тьму всей силой советского УК.

Дома, в Брешиа

После того как мы проехали полторы тысячи километров за два дня, у меня болит все: спина, нога, нажимающая на две педали, и глаза, которые устали всматриваться в дальнюю дорогу. Последний марш-бросок — в ночь, туманной влажной ночи, которая аккуратно спускается на поля, что вокруг Брешиа.

Болонья

Пицца. Запах пиццы. Любая пицца на ваш вкус, сеньоры! Помодоро и чипинолло, прошутто и капрезе. Болонья — это город-кухня. Не случайно здесь был основан первый в мире университет. Студентство надо было кормить, равно как и профессору. Грызть науку без пиццы у них совсем не получалось. Развитие гастрономии истории напрямую связывают с развитием юриспруденции, самой сильной науки в Университете Болоньи. Местные юристы щекалы самые сложные казусы как семечки. И заедли сложные задачи местными разносолами. Запивали винами, полировали траппой. Итог был неутешителен, но предсказуем: в вихре гастрономических удовольствий и поклонения Бахусу юристы Болоньи забросили науку. И наука им этого не простила.

Спусти какие-то сто лет, в середине XV века, когда возникла commedia dell'arte, истинное чудо мирового театра, одной из главных масок комедии стала маска Доктора. Хвастливого ученого, который не может сосчитать до четырех, но зато не дурак набить брюхо. Товарищ был родом из Болоньи.

Isetta BMW — постоянный участник гонки

Кремона

После того как мы проехали полторы тысячи километров за два дня, у меня болит все: спина, нога, нажимающая на две педали, и глаза, которые устали всматриваться в дальнюю дорогу. Последний марш-бросок — в ночь, туманной влажной ночи, которая аккуратно спускается на поля, что вокруг Брешиа.

Брешиа — это самый сок промышленного севера, той части страны, где живут трудяги, где есть промышленность и где водятся лакомые золотые денечки, на которые зарабатываются южане. У южан что? Одни помидоры и любви-ма погрешку — вулкан Этна. А у северян есть заводы, курорты, библиотеки, концертные залы, рестораны, гостиницы, вокзалы, аэропорты, продуктовые магазины. У северян все, у южан ничего, только петрушка... Это у меня уже от усталости пропаганда какая-то пошла.

Я на полуосновных прируливаю к точке финиша, опять на ту самую тосканскую площадь Брешиа. Темнота. Радостные вопли встречающих — словно визг тосканской бензопиццы. Все верно! Они-то спали все это время гонки на своей кровати. Они ели свою пиццу и выпивали уже с утра. Они загорали на солнечных, резвились на лужайках, заросших сочными красными маками. «Нон ми пьече квеста лавора и баста!», что значит: «Как осточертела мне эта работа!» Кто-то открыл дверь моего старого «Мерседеса». И я вывалилась, как мешок с картошкой, на каменную мостовую. Финиш.

Скорость древних болидов иногда достигает 150 км/ч

Хорошо, когда старая тачка едет сама...

...ведь порой ее приходится толкать. ФОТО AFP